

DOI: 10.33184/dokbsu-2025.4.20

Репрезентация русских реалий при переводе художественного текста на китайский язык (на материале произведений И. С. Тургенева)

И. Ф. Мухаметова^{1*}, К. А. Терешкова²

¹Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

²Московский педагогический государственный университет

Россия, 119435 г. Москва, улица Малая Пироговская, 1/1.

*Email: ilidame@yandex.ru

В статье исследуются способы передачи русских культурных реалий и традиций при переводе произведений И. С. Тургенева на китайский язык. Цель исследования – выявить и проанализировать основные стратегии репрезентации русских реалий в китайских переводах. Материалом послужили переводы романов «Отцы и дети», «Дворянское гнездо» и «Записки охотника», выполненные китайскими переводчиками разных периодов. Анализируются переводческие трансформации, применяемые для адаптации национально-специфических элементов русской культуры: описательный перевод, транслитерация с комментарием, культурная адаптация и подбор функциональных эквивалентов. Выявлена эволюция переводческих подходов от доместикации к форенизации.

Ключевые слова: культурные реалии, перевод, межкультурная коммуникация, Тургенев, китайский язык.

Проблема передачи культурных реалий при переводе художественных текстов представляет особый интерес для современного переводоведения, поскольку именно через литературные произведения осуществляется диалог культур и формируется представление о национальной специфике того или иного народа [1]. Особенность произведений И. С. Тургенева заключается в их глубокой связи с русской культурной традицией, что проявляется не только в изображении быта и нравов русского дворянства и крестьянства, но и в философском осмыслении национального русского характера. Понятие «реалия» является одним из ключевых в теории перевода. Согласно классическому определению С. Влахова и С. Флорина, реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основа-

нии, требуя особого подхода [2]. В структуру реалий входят не только традиции и обычаи, но и весь комплекс культурно-специфических элементов, формирующих национальную картину мира. В современном переводоведении существует несколько подходов к классификации данных языковых единиц. С. И. Влахов и С. П. Флорин выделяют предметную, временную и местную классификации реалий. В основе предметной классификации реалий лежит предмет или явление, которое называет реалия. К предметной классификации относятся географические реалии (названия объектов физической географии, эндемики), этнографические реалии (быт, труд, искусство и культура, этнические объекты, меры и деньги), а также общественно-политические реалии. Согласно временной классификации реалий их можно разделить на исторические и современные. Исторические реалии связаны с определенной эпохой или прошлым отдельной социальной группы [2]. Местная классификация учитывает соотношение реалий в плоскости одного или нескольких языков.

Китайские переводчики, начиная с первых переводов начала XX в. и до современности, сталкиваются с необходимостью преодоления значительной культурной дистанции между русской и китайской картинами мира. Эта дистанция особенно ощутима при передаче концептов, связанных с русской ментальностью, таких как «тоска», «воля», «простор», которые не имеют прямых эквивалентов в китайском языке и требуют комплексного переводческого подхода с учетом «зависимости от контекста и стратегий перевода» [3]. Творчество И.С. Тургенева, являющееся неотъемлемой частью русской классической литературы, содержит богатый материал для исследования способов репрезентации русских традиций и обычаев в переводе на китайский язык.

Актуальность исследования обусловлена активизацией русско-китайского культурного взаимодействия и необходимостью совершенствования методов передачи национально-культурной специфики при переводе художественных текстов. Произведения Тургенева, насыщенные русскими реалиями XIX в., представляют значительную сложность для переводчиков, работающих с китайским языком [4]. Проблема передачи реалий особенно актуальна в контексте русско-китайского литературного диалога. Китайский исследователь Хань Бовэнь утверждает, что перевод – это не столько преодоление языковых барьеров для общения, сколько преодоление культурных различий, стоящих за языками, для достижения межкультурного общения [5]. Эта позиция особенно важна при работе с произведениями Тургенева, насыщенными специфически русскими культурными кодами.

Цель исследования – выявить и проанализировать основные стратегии репрезентации русских реалий при переводе произведений И. С. Тургенева на китайский язык, что «позволяет лучше понять лингвистические особенности сравниваемых языков и отражаемый в них образ мышления персонажей художественного текста» [6]. В задачи исследования входит классификация типов реалий в текстах Тургенева, анализ способов

их передачи китайскими переводчиками разных периодов, а также оценка эффективности различных переводческих стратегий с точки зрения сохранения культурной специфики оригинала. Анализ переводов произведений И. С. Тургенева на китайский язык позволил выявить несколько основных стратегий передачи русских культурных реалий, которые делают художественный текст более интересным и выразительным. Наибольшую сложность представляет перевод элементов русского быта, социальных отношений и духовной культуры, отсутствующих в китайской традиции.

При переводе бытовых реалий, таких как названия традиционной русской одежды, предметов домашнего обихода, блюд национальной кухни, переводчики чаще всего применяют описательный перевод с элементами культурной адаптации. Так, русские понятия, связанные с крепостным правом, требуют развернутого комментария, поскольку в китайской истории отсутствовали аналогичные социальные институты. Переводчики вынуждены прибегать к пространным пояснениям, чтобы китайский читатель мог понять особенности взаимоотношений между помещиками и крестьянами в России XIX в. Примером может служить перевод понятия «барщина» в романе «Отцы и дети», где переводчики используют описательную конструкцию 为地主无偿劳动 (бесплатный труд для помещика), дополняя ее сноской с историческим комментарием. Аналогичным образом решается проблема перевода таких реалий, как «оброк» (代役租), «дворня» (家仆), «приказчик» (管事). При этом в ранних переводах наблюдалась тенденция к упрощению передачи особенностей социальной структуры русского общества XIX в., в то время как современные переводчики стремятся к более детальной передаче социальной иерархии.

Особую трудность представляет передача религиозных и обрядовых реалий православной культуры. В китайских переводах произведений Тургенева наблюдается тенденция к культурной нейтрализации религиозных понятий или их замене функциональными аналогами из буддийской или даосской традиции. Однако такой подход может приводить к искажению авторского замысла и утрате национального колорита произведения. Показательным является пример перевода православных праздников в «Записках охотника». Понятие «Пасха» передается как 复活节 (Праздник Воскресения), что требует дополнительных пояснений о традициях празднования. Более сложную задачу представляет передача таких понятий, как «заутреня», «всенощная», «молебен», которые отражают специфику православного богослужения. В переводе Ба Цзиня эти термины часто заменяются обобщенным понятием 祈祷仪式 (молитвенная церемония), что приводит к утрате важных смысловых нюансов.

Анализ переводческих решений показывает, что при передаче фразеологизмов и пословиц переводчики используют три основных метода: дословный перевод с пояснением культурного контекста, подбор китайского функционального эквивалента или создание нового образа, понятного китайскому читателю [7]. Каждый из этих методов

имеет свои преимущества и недостатки с точки зрения сохранения культурной специфики оригинала. Интересные решения находят переводчики при передаче тургеневских характеристик персонажей через народные выражения. Например, выражение «семи пядей во лбу» в описании Базарова передается через китайскую идиому 才高八斗 (талант высотой в восемь доу), что сохраняет образность, но меняет культурную основу метафоры. Фразеологизм «после дождика в четверг» заменяется китайским эквивалентом 遥遥无期 (в неопределенном будущем) и теряет при этом иронический оттенок русского выражения.

Особый интерес представляет анализ переводов ключевых произведений Тургенева на китайский язык в диахроническом аспекте. Роман «Отцы и дети» имеет в Китае более десяти различных переводов, начиная с 1949 г. Сравнительный анализ показывает эволюцию переводческих подходов. Само китайское название романа 父与子 (буквально «Отцы и сыновья») уже представляет собой переводческую интерпретацию: иероглиф 子 традиционно обозначает «сына» или «потомка мужского пола», тогда как русское «дети» включает потомков обоих полов. Тем не менее данный вариант закрепился в китайской традиции, начиная с классического перевода Гэн Цзичжи (耿济之) и последующих переводов Ли Ни (丽尼) и Ба Цзиня (巴金). Понятие «нигилизм», центральное для романа, в ранних переводах передавалось как 虚无主义 (учение о пустоте), что создавало ассоциации с буддийской философией. Современные переводчики предпочитают транслитерацию 尼格尔主义 с развернутым комментарием о философском и социальном содержании этого явления в русской культуре XIX в. [8].

Переводчик Фэн Чунь в своем переводе «Дворянского гнезда» использует комментарии объемом до половины страницы для объяснения понятия «нигилизм», столь важного для понимания образа Базарова в романе «Отцы и дети» [9]. В «Записках охотника» переводчики сталкиваются с необходимостью передачи целого пласта охотничьей терминологии и крестьянского диалекта. Переводчик Гэн Цзичжи (耿济之) в своем классическом переводе 1955 г. создал систему эквивалентов для русских диалектизмов, используя диалекты китайского языка. Например, слово «вишь» он передавал через диалектное 瞧呀, а «авось» – через идиому 碰运气 (попытать счастья), что хотя и передает общий смысл, но утрачивает специфически русский фатализм, заключенный в этом понятии.

Значительные трансформации претерпевают описания русской природы и пейзажей, играющей важную роль в произведениях Тургенева. Переводчики адаптируют описания времен года, растительного и животного мира к китайским климатическим и географическим реалиям, что неизбежно влияет на восприятие художественного пространства произведения [1]. Так, например, в описании июльского дня из рассказа

«Хорь и Калиныч» Тургенев использует характерное для средней полосы России сочетание «тощих берез» и «дрянных осиновых избенок». При переводе на китайский язык реалия «береза» (白桦, báihuà) сохраняется как ботанический термин, однако ее культурно-символическое значение для русского читателя – образ родины, чистоты, русской души – требует дополнительного комментария, поскольку в китайской традиции береза не несет подобной символической нагрузки. Также при передаче пейзажных описаний, где противопоставляются Орловская и Калужская губернии, переводчики сталкиваются с необходимостью адаптации топонимов и характерных природных особенностей (奥廖尔省 и 卡卢加省), которые незнакомы китайскому читателю и требуют географических пояснений.

Важным аспектом репрезентации русской культуры в китайских переводах Тургенева является передача концепта «усадьба» как центра дворянской культуры. Китайские переводчики используют термин 庄园 (поместье), дополняя его описаниями архитектурных особенностей, планировки сада, распорядка дня обитателей усадьбы, осуществляя культурную адаптацию. Особое внимание уделяется переводу описаний «дворянских гнезд» как символа уходящей эпохи, что требует от переводчика передачи не только материальных деталей, но и эмоциональной атмосферы ностальгии и меланхолии, пронизывающей тургеневские тексты.

Отдельную проблему представляет перевод реалий, связанных с русской духовной культурой и менталитетом. Концепты «душа», «судьба», «тоска», активно используемые Тургеневым, не имеют точных эквивалентов в китайском языке. Например, понятие «русская душа» в повести «Ася» передается описательно как 俄罗斯精神 (русский дух/дух России), что не передает всей глубины и многозначности оригинального концепта. Анализ переводов показывает эволюцию подходов китайских переводчиков к передаче русских реалий. В ранних переводах начала XX в., выполненных часто не с русского, а с японского или английского языков, наблюдается тенденция к доместикации – замене русских реалий китайскими аналогами. Так, в переводе Чжоу Цзожэня 1921 г. русское «барин» передавалось как 老爷 (господин в китайском понимании), что искажало социальную специфику русского дворянства [10].

Исследование выявило, что современные переводчики все чаще отдают предпочтение стратегии фореизации, стремясь максимально сохранить национально-культурную специфику оригинала. Это проявляется в использовании транслитерации с последующим комментарием, с сохранением оригинальных топонимов и антропонимов, а также в детальном воспроизведении культурно-маркированных элементов текста. Показательным примером служит перевод реалии «водка» на китайский язык. Как отмечают Ю. А. Болсуновская, Т. У. Матназаров и Л. М. Болсуновская, слова, обозначающие алкогольную продукцию, чаще всего содержат семантическую морфему

酒 jiǔ («вино»): «伏特加酒 fútèjiājiǔ – водка» [11]. Данный пример демонстрирует гибридный способ адаптации: транслитерация 伏特加 (fútèjiā) передает звучание русского слова, сохраняя его национальный колорит, а добавление родовой морфемы 酒 («алкогольный напиток») помогает китайскому читателю идентифицировать категорию предмета. Примечательно, что переводчики не используют функциональный аналог 白酒 (báijiǔ, «белое вино» – традиционная китайская водка байцзю), что свидетельствует о стратегии форенизации: русская реалия сохраняет свою культурную идентичность, а не подменяется элементом принимающей культуры.

Важно отметить, что выбор переводческой стратегии зависит от типа реалии и ее функции в тексте. Жанровые особенности литературы существенно влияют на выбор приема перевода реалии. В научном тексте реалия зачастую является термином и переводится им. В публицистике чаще прибегают к транскрипции, в художественной литературе – к транскрипции или описательному переводу. При переводе произведений Тургенева китайские переводчики учитывают не только семантическое значение реалий, но и их эстетическую функцию в создании образа «русского мира». Особое значение имеет передача временного колорита произведений Тургенева. На основе временного критерия все реалии условно делятся на современные и исторические, т.е. статус реалии не является постоянным качеством и со временем может измениться [2]. Как отмечают исследователи, исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника и потому, как правило, требуют более подробных толкований, чем реалии современные [2]. Для современного китайского читателя большинство реалий из произведений Тургенева являются историческими, что требует от переводчиков создания развернутого справочного аппарата.

Перспективы дальнейших исследований связаны с сопоставительным анализом переводов произведений Тургенева, выполненных в разные исторические периоды развития китайско-русских культурных связей. С уменьшением вмешательства политических факторов в художественный перевод и с раскрепощением сознания в культурных и литературных кругах перевод русской литературы становится все свободнее и разнообразнее в выборе тем. Это открывает новые возможности для более полной и точной передачи культурной специфики русской классической литературы китайским читателям. На сегодняшний день существует более 30 различных переводов произведений И. С. Тургенева на китайский язык, что свидетельствует о неослабевающем интересе к его творчеству. Изучение стратегий репрезентации русских реалий в китайских переводах Тургенева имеет не только теоретическое, но и практическое значение для подготовки переводчиков и развития межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в XXI в.

Репрезентация русских традиций и обычаев при переводе произведений И. С. Тургенева на китайский язык представляет собой сложный процесс культурной медиации, требующий от переводчика не только глубоких лингвистических знаний, но и понимания культурно-исторического контекста обеих культур. Основными стратегиями передачи русских реалий являются описательный перевод, культурная адаптация, транслитерация с комментарием и подбор функциональных эквивалентов.

Выбор конкретной стратегии зависит от типа реалии, ее значимости для понимания произведения и целевой аудитории перевода. Современная тенденция к сохранению национального колорита оригинала способствует более полной передаче культурной информации, заложенной в произведениях И. С. Тургенева, и обогащению межкультурного диалога между Россией и Китаем.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Морозкина Е. А., Воробьев В. В., Щанькин А. П. Лексико-семантическое поле «Финансы» в оригинале и переводе романа Т. Драйзера «Финансист» // Доклады Башкирского университета. 2025. Т. 10. №1. С. 67–72. URL: <http://dokbsu.ru/ru/archive/2025/1/7>
4. Гоин Я. Стилистические особенности описаний природы в произведениях И. С. Тургенева и проблемы их перевода на китайский язык: автореф. дисс. ... канд. филол. наук СПб: [б. и.], 2006. URL: <https://cheloveknauka.com/stilisticheskie-osobennosti-opisaniy-prirody-v-proizvedeniyah-i-s-turgeneva-i-problemy-ih-perevoda-na-kitayskiy-yazyk>
5. Хань Бовэнь. Культурные факторы в русско-китайском переводе // Вестник переводоведения. 2019. №3. С. 45–52. (韩博文. 俄汉翻译中的文化因素 // 翻译学报. 2019 年. 第 3 期. 第 45–52 页).
6. Морозкина Е. А., Чжу Шуан. Маркеры отрицания в романе Ба Цзиня «Семья» и в версии его перевода на русский язык // Мир науки, культуры, образования. 2024. №3(106). 415 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-otritsaniya-v-romane-ba-tszinya-semya-i-v-versii-ego-perevoda-na-russkiy-yazyk>
7. Болдырева О. Н., Хань Шуци. Особенности перевода китайских фразеологизмов (чэньюев) на русский язык // Гуманитарные исследования. 2020. №2(27). С. 69–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kitayskih-frazeologizmov-chenyuev-na-russkiy-yazyk>
8. Сай На. Романы И. С. Тургенева в переводах Ли Ни // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №2(68). Ч. 1. С. 38–42. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/10.html>
9. Фэн Чунь. Комментарий переводчика к роману И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Пекин: Народная литература, 2018. 467 с. (冯春. 屠格涅夫《贵族之家》译者注释. – 北京: 人民文学出版社, 2018. 467 页).

10. Чжоу Цзожэнь. Из истории перевода русской литературы в Китае. Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 1984. 234 с. (周作人. 俄国文学在中国翻译史. 上海: 上海译文出版社, 1984. 234 页).
11. Болсуновская Ю. А., Матназаров Т. У., Болсуновская Л. М. Русские и английские заимствования в китайском языке // Молодой ученый. 2015. №8(88). С. 1102–1105. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17724/>

Статья рекомендована к печати кафедрой лингводидактики и переводоведения
Уфимского университета науки и технологий
(д-р. фил. наук, проф. Е. А. Морозкина).

Representation of Russian Realities in the Translation of Literary Texts into Chinese (Based on the Works of I.S. Turgenev)

F. Mukhametova^{1*}, K. A. Tereshkova²

¹*Ufa University of Science and Technology*

32 Zaki Validi st., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

²*Moscow Pedagogical State University*

1/1 Malaya Pirogovskaya st., 119435 Moscow, Russia.

**Email: ilidame@yandex.ru*

The article examines the methods of conveying Russian cultural realities and traditions when translating I.S. Turgenev's works into Chinese. The research aims to identify and analyze the main strategies for representing Russian realities in Chinese translations. The material includes translations of the novels "Fathers and Sons," "A Nest of the Gentry," and "A Sportsman's Sketches" by Chinese translators from different periods. Translation transformations used to adapt nationally specific elements of Russian culture are analyzed: descriptive translation, transliteration with commentary, cultural adaptation, and selection of functional equivalents. The evolution of translation approaches from domestication to foreignization is revealed.

Keywords: cultural realities, translation, intercultural communication, Turgenev, Chinese language.